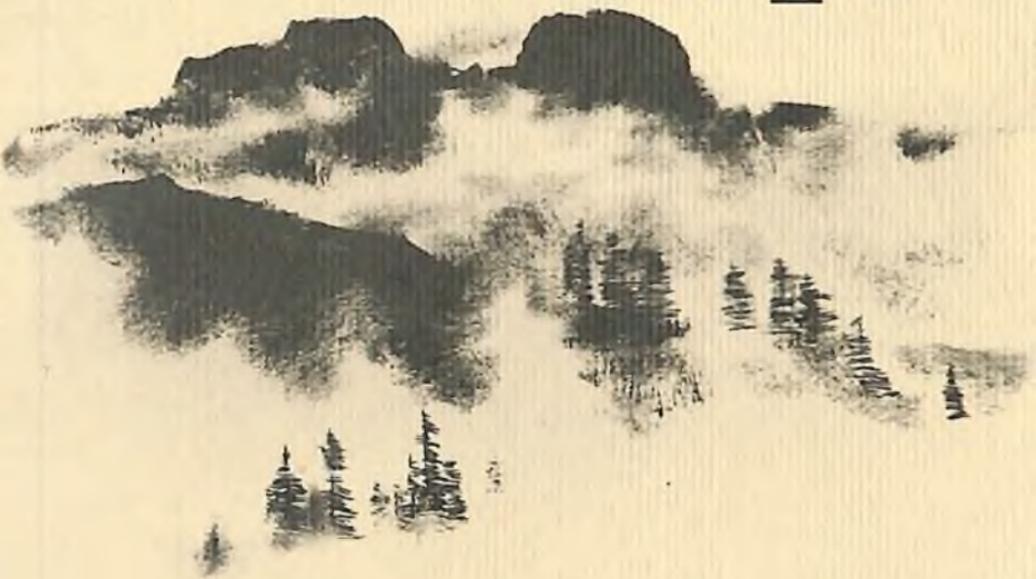

Беглянка из времени «У»

Маргарита Чекунова

с приветом
от автора
"Бегички"
на добрую
память!
Удачи!

18.09.22

Удачи —

Беглянка из времени «У»

Маргарита Чекунова

Санкт-Петербург
2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=411.2)6-5
Ч-37

Художник
Елизавета Савина
 @elizaveta_savina.art

Чекунова, М. Г.

Ч-37 Беглянка из времени «У» / Маргарита Чекунова. — Санкт-Петербург : «Реноме», 2022. — 132 с. : ил.
ISBN 978-5-00125-478-2

Книга Маргариты Чекуновой представляет собой собрание поэтических миниатюр разных жанров и форм, написанных в стилистике и манерах различных эпох.

«Беглянка из времени “У”» состоит из восьми разделов, отражающих непрерывное движение от тьмы к свету, от личного к абсолютному: «Рассвет», «Побег», «Переменная облачность», «Неправильное дыхание», «Дворами» и другие разделы транслируют лексику движения и состояния, освещают процесс трансформации увиденного перед глазами, его изменения по мере продвижения вперёд.

По мнению петербургского поэта Александра Гущина, в «Беглянке из времени “У”» самое интересное — разглядывать маски лирических героев и героинь, пытаясь за ними угадать автора — какой он?

В книге представлена интеллектуальная, гражданская, юношеская лирика, сатирическая поэзия и стилизации.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=411.2)6-5

Ограничение по возрасту 12+

ISBN 978-5-00125-478-2

© Чекунова М. Г., 2021
© Оформление.
ООО «Реноме», 2021

Нерукопожатность совести

Когда я увидела эту девочку (я не могу назвать большеглазого ангела из русского Севера элегантной женщиной, хотя она — женственна и элегантна), я подумала: «Ну, вот, опять придётся опальному на Украине доктору наук, ставшему бомжом из преданности русской поэзии, править нечто на четверочку». Я так подумала, но согласилась, потому что меня царапнула прямая жёсткая искренность, с которой Марго написала мне, что она долго не решалась. Мне, человеку, который никакого больше о себе мнения, мне, твари дрожащей, истерзавшей себя комплексами и неверием в себя. Она написала мне так, как я писала Белле Ахмадулиной. Белла, правда, мне не ответила, и у меня осталась травма на всю жизнь. Но, поскольку я крайне дурацкий и простецкий человек, я сразу откликнулась. И начала крайне неохотно читать... Прозрение наступило после нескольких страниц, когда между античными образами Горгоны и средневековой романтикой Жанны д'Арк, не новых в мире романтической молодой поэзии, пропустили что-то, что подкупило меня сразу и заставило, забросив все дела, висеть с автором в онлайн, разбирая каждое слово, метафору, образ. И вот тогда я поняла, что я имею дело отнюдь не с поэтической верификацией. Я, грешница, имею дело с Судьбой. С настоящей судьбой поэта, который не успел зазвездиться.

В последнее время я, обожая своих драгоценных русских современных поэтов, из глубины киевского гетто, созерцаю сводки их побед, фестивальных гонок, перформансов, ролевых игр, красивых нарядов, модных наград... Сначала мне тоже всего этого хотелось, а потом я поняла, что одна русская рябина алого Логоса нашей белоснежной многострадальной матушки Руси — важнее всех этих светских вещей. Из строк Маргариты на меня смотрела сама Россия, как она смотрит из фильма «Москва слезам не верит»: дикая, честная, упрямая, щедрая на смачную речь, нежная, дерзкая и молчаливая.

Она родилась в Казахстане, унаследовала мудрость бабушки-учительницы и дедушки-фронтовика, она никогда не становилась на колени перед лицемерами, тюменская тьма и сибирский свет сделали её Сивкой-Буркой Серафима, почивающей под его крылом. Разве могут просто так рождаться такие строки: «Истероид — осколок от астероида»? Или: «Я лишний гость в соболиной своей стране»? Образ Трубочиста — если хотите, чистильщика мира от бесовщины — красной нитью проходит через дома, улицы, фонари, аптеки, шоссе, велосипеды, сны её стихотворной семантики. Это — её ангел-хранитель, её самый правдивый репортаж о смерти поэта, который воскресает из гроба на глазах изумлённой тусовки. «Когда никто тебя не понимает, ты слышишь чей-то голос: «Я пойму». Сибирский тракт этого юного Ломоносова в женском лице, пришедшего из последних сил в блистательный Питер, чтобы издать — нет, не стихи, — свою оголённую душу — город-герой Ленинград должен услышать. И я буду молить об этом каждый камень его гордого ампира. Потому что в мире рукопожатных, которым так кичится Запад, великий подвиг поэта — быть нерукопожатным избытком. Поэта, который даже в ответ на проклятия дарит желающим ему стореть свои песни. Потому что он точно знает: сад слов — корневое многоствольное текучее ветвистое чудо, и кто-то, грядущий после поэта продлит его слог в строфу, а его звук, как сам автор говорит — в аккорд. Это произойдёт в силу неистребимых смысловых констант народной памяти, независимо от личных врагов и друзей, просто по законам Логоса. Напоследок хотелось бы привести пример стихотворения, которое, на наш скромный взгляд, передаёт формулу Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт», добавив: он — единство жизни и символа, он архетип:

* * *

Он тоже ходил по пятам, говорил: «Учитель».
Оставьте же, как там,
божественные ключи те:
ведь все исцеления,

«экзорцизма тон даймон» —
для греческих книжек
и надписей на иконах.
Небо — удел вольномыслящих и смотрящих.
Против — горстка серебряных, настоящих.
Впрочем, к нему в современности так нестроги
(дети узнали, о ком были эти строки).
Тридцать серебряников
в нашем эквиваленте:
Купить машину?
Мчаться в кабриолете?
Так ли вы поступали?
Прошу отвечать честней.
Вы,
прежде познавшие тайны трудов и дней,
метафизики, беглого чтения,
крови,
слёз,
политических прений,
поэтических грёз?
Пожалуйста,
подумайте,
а пока
постройте дом на окраине городка.
Ведь тридцать серебряных —
в сущности, это много.
Для фунта истины хватит, наверняка.

Я благодарна судьбе за встречу с живым архетипом Руси
в лице Маргариты Чекуновой

*Евгения Бильченко,
поэт, философ, доктор культурологии,
член Международного Союза Поэтов Санкт-Петербурга*

...Слышишь ли, тот, кто возвышенной и умней?
Слышишь ли это, не знающий обо мне?
Так, летний сумрак, как дерево без корней,
я лишний гость в соболиной своей стране.
Кроны здесь тянутся ввысь, золотится лист.
Как он обжётся о близость своих небес!
Может, и он — надменный идеалист
или он тоже нежнейшее из существ?
Может быть, это от детских глухих утрат?
Мир затаился, когтист, быстроглаз, хитёр.
Высокомерие — призрачных мер сестра.
Только я раньше не знала таких сестёр.
Мне говорят, она тихо вошла в мой дом.
Он оглашался ещё не таким родством.
Желчью отравленным, мирно писать о том —
это как святость смешивать с колдовством.
Здесь добывали куниц, соболей, бобра.
Здесь мне жмут руку и хлопают по плечу,
желают животной радости и добра.
Но что мне делать? Я этого не хочу.
В вечер, когда твой серебряный компас сбит,
чёрные вышки заставили твой закат,
ты, как планета, отбившись от всех орбит,
устраиваешь вдохновенный полураспад.
Двойственность, тройственность,
множественность в одном,
(всё, что с тобой происходит, не сказка, быть).
Цельность, достоинство, свет, городское дно
ты превращаешь в высокую звёздную пыль!
Крутится мельница в сумрачных жерновах.
Всё перемелет, получится звёздный путь.
Я не могу быть бесстрастной в своих словах —
может быть, там, на орбите, когда-нибудь.
Всё понимаю, но я не могу молчать.
Нужно кристальной вершины и глубины!
Пусть нам песком засыпает следы печаль,
а в небесах золотые сверкают сны.

МИХАИЛУ КУКУЛЕВИЧУ

(в день нашей встречи в Ялutorовске)

Вот дом музейный, маленькая лесенка,
скрипящий пол и фортепиано в комнате.
Вы начали про Шиллера и Лессинга,
а я вам про Вольтера, долго, помните?
Вы дали знать: из истинных мыслителей,
как правило, не встретишь атеистов.
А с ветхих стен, печально-ослепительны,
смотрели в зал портреты декабристов.

Прошло два века. Разве это разница?
Два века — как мгновения для вечности.
А за стеной музейная охранница
встревожено шептала: «Сколько свеч нести?»
Кричала на пришедших: «Тише, глупые,
там человек приехал... из столицы!»
Мелькали звёзды, блеск ночного купола,
сибирский тракт, столетия и лица.

Зажглась свеча — иных времён посланница
(я не забуду разговор про Пушкина).
И замер зал. Музейная охранница,
и та пришла послушать вас и слушала.
А эти песни, что сравнятся с песнями?
Вам хлопают восторженно и гулко,
я рвусь всей отрешённостью, что есть во мне,
к величественным залам Петербурга.

Потом прошло два дня, и вы уехали.
И стало грустно в опустевшей комнате.
Висят портреты Шиллера и Гегеля.
Их, может, из приезжих ещё вспомнит кто,
и ждёт Тюмень — свердловская племянница.
«Ялutorовск!» — доносится в эфире.
И «в строгом свете звёзд» поёт охранница
в заброшенной якушкинской квартире.

Мой критик, мой друг, кроме вас никого родней. Мне не верилось: вы ли сказали все те слова?

Пять дней я была в каком-то оцепенении, и вновь ошибаюсь, и, стало быть, я жива.

Я вам говорю и пишу из таких отрезков, что вряд ли когда-нибудь перерастут в пути. Здесь ветер в лицо: морозный, сухой и резкий, но это не значит, что я не могу идти.

Все дни в моём сердце страшней, чем в пустой квартире. Сегодня — как в тёмной квартире с двойным окном. Вы вынесли, как приговор, «дважды два — четыре», плеснули водой, что когда-то была вином.

Вы дали понять мне, что я не из тех младенцев, которых целует в маковку Аполлон. Бездарность выходит из детства. А если детство явилось само к бездарности на поклон?

Во сне мне привиделся бег карусели вечной, внизу — сто барханов, оазисов, рек и миль. Но в городе крылья казались мешком заплечным, и мне не понравилось жить, как живёт весь мир.

Тогда поняла, что на свете есть злой обычай, все песни небес превращающий в кутерьму. Я плачу, и нет больше слов. Говорите притчи, общайтесь же притчами, может, тогда пойму.

Сейчас я могу говорить о большом и горном, небесном, седом, брусничном и золотом. Я видела музыканта под светофором, и мне показалось, что песня его о том.

Но вирус обиды не в счёт: постучитесь в двери. Есть что-то во мне, что сильнее любых проказ. Так выразим всё, что живёт вопреки «не верю» и дерзко воскреснет над призрачным «на показ».

ТРУБОЧИСТ

Я трубочист: как много всяких басен
слагал о нас народ из разных стран.
Я думаю о том, как я прекрасен,
и потому я истинный болван.

Я не боялся мыши и вампира,
явившегося мне из темноты.
Я трубочист и создаю кумира в себе самом,
но трубочист не ты;

Но трубочист не ты, и это ранит,
поскольку не умею быть, как все.
Тогда смириться хочется заранее
с изысканным «аллегро» и «пассе».

Я горд чертовски, потому и чёрен,
мне кажется, мой облик изнутри:
в моей печи есть множество затворен —
гори, огонь! Прошедшее, гори!

Я буду петь для всех, кто наг и грустен,
пусть я не миннезингер, но, увы,
ещё черней под этим странным грузом
кудрявость очумевшей головы.

Я не имею лица, не имею голоса.
Я звук, оттенок, яркий сигнальный знак.
Я знаю,
как клонятся низко вершины колоса,
как дрожит ботинок
в сломавшихся стременах.

Я становлюсь всем тем, что мне скажет мир:
джинглом, рингтоном, звуком колёс камаза.
Я не предаю тебя, маленький мой сапфир,
фантом свободы,
мой образ зеленоглазый.

Я поддаюсь изменениям. Я дрожу.
Дрожит камертон, производящий ноту.

И в звуковую дорожку по монтажу
не встанет мой крик
из-за тайминга и цейтнота.

ОПЕРАТОРЫ

Ей говорили: «послушай, ну нет ничего в тебе.
Хоть бейся ты, хоть пеной у ног лежи.
Эти фонтаны, эти сады и пропасти
мир не подарит тебе за твои гроши».
Так вот отрывочно, перочинно,
тихо, как ком, подкрадывались слова;
животные, дети, женщины и мужчины,
всё плыло мимо: кудрявая голова
вертелась пространно и говорила странное
(кто там узнает, что происходит с ней?)
Только её крылатые тараканы
против седых бронтозавров не стали сильней.

Мысли, мигрень, метания метафизика,
яблочный запах азбучных слов, страниц.
Кто же создал тебя в местности этой низенькой?
Кто же связал тебя краешком тонких спиц?
Только представь: в тебе нет ничего. Ты шпигель.
Пустой, без имени, на экране.
Ты ли помадой на лбу не писала «nihil»
и не грозилась дерзостями в тетради?
Утром потом кричала: «Господи, Господи».
В страшную ночь у отчаянья на острие.
Можно сказать, ты живёшь в журналистском офисе
и каждый день танцуешь деми-плие.

Да, этот мир снимают нам операторы.

Снимают его под кривым и прямым углом.
Они никогда не изменяют его, но рады бы
тихо стереть идущих в нём напролом:
те не похожи на клоунесс и фурий,
ни на героев и героинь,
они эти сны не выложат службам патруля,
что ищут в котомке странника героин.

Я сегодня для вас не сказала ни слова.
Все слова как рапира, как меч, как копьё.
Сколько было вокруг безнадёжного, злого?
Сколько вас, проклинающих имя моё?

Разрывались слова, как отравленный порох,
серебрились восторги, глуша и пьяня.
А потом мне хотелось в заброшенный город,
чтобы что-то внутри не прощало меня.

Только кто-то невидимый в дымке заката
отразится и скажет: «не плачь, не дрожи».
А приятели, верно, исчезли куда-то,
потому что я плохо умею дружить.

Я мечтала о чести, единстве и братстве.
Я хотела держать на ладонях звезду!
И ещё не могла защищаться и драться,
и совсем не умела предвидеть беду.

Тем, кто мне предрекает: «стори, исчезни»,
тем, кто мне прорицает: «замри, погасни»,
пусть же вам всем адресованы будут песни,
пусть же вам всем расшифрованы будут басни.
Те же, кто тайно, рассеянно и устало
молит своих богов, чтобы меня не стало,
знайте: всё это рассыплется в пепел,
в прах, в прорицания прошлого, в книжный ворох.
Те, кто не видел света, ещё не светел.
Те, чьи клятвы слезливы, уже не порох.

Если ты встретишь советчика в длинной тоге,
гангстера с галстуком, волка в овечьей шкуре,
не разуверься в том, что ты знаешь о Боге,
даже когда желал бы свинцовой пули от слов их.
Терпение! Пишешь картину жестом?
Не опускай глаза, не потеряй нажима.
Верь: ожиданье возможного совершенства —
вечный залог того, что оно достижимо.

НЕГЕРОИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

«Жанна, атака слева!», «Жанна, атака справа!» —
Жанна фехтует шпагой.

Пусть «ан-аван, ан-рьер»

в замке танцуют дамы, фрейлины старой драмы,
изображают слёзы, с дрожью смотря в карьер.

Жанна не носит юбок, Жанна не носит блузок.
Жанна не носит гнева в сердце, а сердце в мгле,
но, если мир так узок, да, беспредельно узок,
Жанна ответит словом, терпким, как божоле.

Жанну полюбит странник, рыцарь и капельмейстер.

Жанна себя не любит и не избегнет драк.

Жанна сражаться станет, но не без лицедейства.

Жанна решила с детства: Жанна не вступит в брак.

Жанна седлает лошадь. Жанна въезжает в глину.

Жанна смелей и строже всякого шевалье.

Жанне смеются в рупор, Жанне смеются в спину.

Жанне смеются в масках. Жанну отдали в плен.

В плен. Ей подпишут вечность и колдовскую небыль.

Жанне припишут зелье, ступу и дымоход.

Пламя как колесница. Жанна уедет в небо.

Что вы там все смеётесь? Вам ли открыт проход?

ФАНТАСМАГОРИЯ О ЗЕРКАЛАХ

Как на мозаике прадедовских полотен, высился город, один из десятков сотен. Он делался неузнаваем в лучах восхода, башни и ров каждый день озарял рассвет. «Истероид — это осколок от астероида, пронесившегося в галактике раз в сто лет». Так рассказывал он, перепутав часы и даты, с придыханием повторяя, как только мог, что он послан сюда и оставлен кем-то, когда-то, здесь, на вырубку всем, на распутии всех дорог.

Он был трубочист и служил в королевском цехе. Он всецело был занят мыслями об успехе. Когда солнце вельможно скрывалось за провода, его посещала неясная чехарда из мыслей, бессмыслиц, картинок, сердечных биений, ломаных ритмов и переходных форм. Он был трубочист, в каждом деле искал горения, но встречал только дым и обыденность, с этих пор он не знал, как быть понятным, он не искал отличий. Он бродил по крышам, когда опускалась мгла.

В том королевстве держался старинный обычай ставить на главных улицах зеркала. Он шёл тёмной ночью, когда с королевских станций раздалась гудки и ещё не поднялся флаг. Больше всего на свете боясь остаться наедине с отражением в зеркалах.

* *

Трубочист: Отражение, я умоляю вас, сходите с этой точки: здесь мягкий и ровный свет!

Отражение: Что ты думаешь, я — постамент в граните? Ты живёшь и вращаешься, я отражаюсь вслед.

Трубочист: Я хочу, чтобы вы мне совсем не лгали. Я хочу, чтобы свет мой был в каждое сердце вхож.

Отражение: Но в руках твоих щётки и тряпки, а щёки впали. Ты так бледен здесь, в городе герцогов и вельмож.

Трубочист: Это вовсе не повод сравнить трубочиста с принцем. Мне так хочется правды, я знать не хочу преград. По трубам истории, по золотым крупичкам найти пыль столетий. Я хипстер и ретроград в одном лице.

Я умею ходить по крышам. А значит, я вижу реалии всех дорог.

Отражение: Умойся, мой друг. Ты простужен и чем-то обижен. Не спал эту ночь и, возможно, совсем продрог.

Трубочист: Учусь делать то, что действительно не умею: учусь наблюдать за собой, не бросая слов.

Отражение: А сколько вокруг фонарщиков, лицедеев, а сколько на свете мечтательных пастухов?

Трубочист: Я совсем не похож на других, не живу мгновением, пробираюсь сквозь пыль и туннель к лучам.

Представляю: из пламенности горения, апофеоз гармонии зазвучал!

Отражение: Зря кричишь, абсолютного в мире нет, и я не верю тебе, я совсем не согласно с тобой.

Трубочист: Я же вечности сын. Я осколок другой планеты.

Отражение: Я осколок реальности. Прямо смотреть изволь!

Трубочист: Почему, отчего я не мог себя знать всецело?

Вы разрушили видимость, вы только злой фантом.

Отражение: Так бывает всегда, как только дойдёт до дела.

Говорить с ослеплённым и правда не лучший тон.

Вот искал ты какой-то мираж. Развлекал соседок.

Рассмешил детей. Что нашёл ты, скажи, печник?

Трубочист: Я измучен, и знаю, дым не огонь, он едок.

Что я сделаю с дымом? Его не развеешь вмиг.

Отражение: Отраженье и дым — две миражные ипостаси.

Я действительно, можешь коснуться меня рукой.

Трубочист: Я хочу, чтобы ты отправилось восвояси.

Ты несколько не я, мне не надо судьбы такой.

Отражение: Хватит дерзостей, друг мой.

Трубочист: Довольно соображений. Ты не нравишься мне.

* *

В проёме печной трубы он исчез. В исчезающем отражении мчались арки, каналы, вывески и столбы. Говорят, он скитался в пределах таких пространств, что не знают, галактика то или просто подвал. Говорят, он вернётся. Он обещал ворваться к высоте небоскрёбов, не слушая ложь зеркал.

ПРОМЕТЕЙ

В детстве мне было жаль Прометея прикованного.
Хотелось подойти к нему и сказать:
«Не оставляйте мир ради такого-то и такого-то!
Из-за них крючконосая птица вас будет терзать.

Эти люди научатся жечь не то,
что хотелось бы.

Породят инквизиторов,
огненные орудия;
даже тело, а в прочем,
какое здесь может тело быть:
если сердце у вас в крови,
где же люди?

Из-за них вы, рискуя жизнью, жертвовали,
гибко прятались в камни, подвиги мня проказами.
Ваш поступок, скорее всего, божественен,
только вряд ли сам Зевс согласится со сказанным.
А может, вы были отличным мастером,
что строптивым богам обжигал сосуд?
А потом обратились к нам, и решили:
как счастливы, будут те...
но не будут,
не будут, и в этом суть.

Может, стало отмщением это? Да, стало отмщением.
А за что и кому, я не знаю: мир так безжалостен.
Привяжите меня рядом с вами: теперь общение
будет длиться навек.
Вы и я.
Пожалуйста!»

ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ САД

Пусть это будет сад
для всех цветных дождей.
Пусть это будет град
для всех иных вождей.
Пусть там стоит гора,
гора, где сто лучей.
И ты решишь: пора,
и ты поймёшь, зачем.
И ты придёшь на спуск,
и будет спуск полог,
И превратишься в звук,
и превратишься в слог.
Так, на глазах у всех,
себя до недр раскрыв.
И замолчат — успех!
И закричат — прорыв!
И засвистят — провал! —
со всех других сторон.
И скажут: «ты не шквал,
ты холостой патрон,
ты как забытый луг,
ты как дремучий лог».
А ты в ответ: «я звук»,
а ты в ответ: «я слог».
И пусть молчит народ,
не разберёт финал.
Тебя узнает тот,
кто до сих пор не знал.
И спутав ре и фа,
забыв, что хмур и горд,
продолжит: «я строфа»,
продолжит: «я аккорд».

ПО СИБИРСКОМУ ТРАКТУ

Этой песни нет причины,
а дороге нет конца.
Перелески и ложбины,
мчит кибитка от крыльца,
где висели транспаранты,
где прогнали нас... тихи,
мы везём, как контрабанду,
философские стихи.

Лёд растает, мир растопчет,
смолкнут друг и визави,
смутный век не обесточит
нежности в моей крови.
Таёт ночь в дорожном звоне.
честь и слава на кону,
но оврагом мчатся кони,
Пуркуа-Па и Антр-Ну.

Путь фиалками не выслан,
враг-неясыть, не кричи.
Дерзким взглядом фальшь от истин
отделим и отличим:
белладонна или клевер,
дым ли, тень ли облаков.
«Вы играете на флейте?»
«Наш мотив порой таков,
что и в резком интервале
не рождает диссонанс».
«Вы ещё не открывали
старой повести о нас?»

А дорога длится, длится,
за пригорком косогор.
Всё на свете повторяется,
даже этот разговор.

Будет лёд хрустящ и тонок,
синий сумрак, белый дым,
и какой-нибудь потомок
вскрикнет голосом моим.
Всё о том, что годы сгинут
в объяснениях и борьбе,
всё о том, что нас не примут
в чьей-то маленькой избе.

Мы летим в лучах свободы,
по унылым мостовым.
Провода и кьюар-коды,
вал, погост, дорожный дым.
А свои нас ждут в опальных,
избах, светлых от лучин.
Нас, надменных и нахальных,
мир не сможет отличить
от теней, от смеха в рощи,
миражей в ночной дали.
Мы хотели стать чуть проще и земнее.
Не смогли.

Быть плеядами в эфире,
быть сиянием в пути
ни один догматик в мире
нам не сможет запретить.
Но тяжёлые засовы сдвинет робкая рука:
«Чьи там кони? С кем вы? Кто вы?
Нам не велено впускать».

«Вы чужие», — мы чужие...
Пыль столбом и звон подков!
Будем петь, пока мы живы,
не тая превратных слов,
что, поскольку у истока
их прихода боль и сны, —
дрожью, пылью и дорогой,
и терзаньем рождены.

А дорога длится, длится,
наша песня вновь проста.
Нам дано однажды сбыться,
и в кибитке есть места.
Путь проделанный недолог.
Мчим, куда покажет Бог.
Сохранит ночной просёлок
грустной песни эпилог.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгения Бильченко. Нерукопожатность совести	3
---	---

РАССВЕТ

«...Слышишь ли, тот, кто возвышенной и умней?...»	7
Из детства	8
«Я бьюсь об заклад: вы можете стать эфиром...»	8
Беглянка из времени «У»	9
Отрывок из поэмы Вольтера «Jean qui pleure et qui rit»	10
«Болезненное самолюбие — это такая стрела...»	11
Мазурка	12
«Творчество — это когда ты один в квартире...»	12
«Мне было тесно и в рамках улиц...»	14
Ангел-хранитель	15
«Поймите нас, возвышенных до крайности...»	16
Метафоры	17
Михаилу Кукулевичу	18
Конкурс в открытый космос	19
Perpetua	20
В вольтеровскую библиотеку	22
Просветитель	23
«Возможно тебе, одетому в плоть и кровь...»	24
«Сплетенье слов... опять безумства... бог мой!...»	25

ПОБЕГ

«Не нравится тело, давай уйдём из него...»	27
«Я не верю в приказы за их несостоятельность...»	28
Vice versa	28
«Мой критик, мой друг, кроме вас никого родней...»	29
«Ты мне приснился. Был свет на краю темноты...»	30
«Я знаю бегунов, измученных до стартов...»	32
На вокзале	33
«...И в исступлении понимаю...»	33
Трубочист	34
Бывший корреспондент вспоминает	36
Стихотворение про Департамент	39
«Он тоже ходил по пятам, говорил: “Учитель”...»	40

«Гераклит судил: “Всё в мире вершит огонь”...»	42
Мальчик	43
«Я не имею лица, не имею голоса...»	44
«Мой дед не любил говорить о войне...»	45

«БЕСПРЕДЕЛ»

«Всяк человек страж...»	47
Языческий бог	48
Провокатор	49
Операторы	50
«Они спешат. Они не терпят слов...»	51
«мне касались ресниц фантомы...»	52
Аудитория	54
Прямая речь	56

ПЕРЕМЕННАЯ ОБЛАЧНОСТЬ

«Большое, как сиреневое облако...»	59
«Это рысканье, смещение, кривизна и неувязки...»	60
В коридоре	61
На улице	61
Заметки инопланетянина. <i>Письмо первое</i>	62
Заметки инопланетянина. <i>Письмо второе</i>	64
Заметки инопланетянина. <i>Письмо третье</i>	65
Первая полоса	66
Интроспекция	68
«Рыжий снег мне расскажет о чём-то святом и крамольном...»	70
«Мы ещё не знали, что выпал снег...»	71
«Здесь, как ни думай, всё предreshено...»	72
«Киви на площади, южные, сонные...»	73

НЕПРАВИЛЬНОЕ ДЫХАНИЕ

«И, кажется, в проём тот зимний...»	75
«Я сегодня для вас не сказала ни слова...»	76
«Я часто думаю над психологией превращения...»	77
«Что, всадник неистовый, мчишься ты прочь...»	78
«Ангел с колонны ночного вокзала...»	80
«Тем, кто мне предрекает: “сгори, исчезни”...»	81

ФЛАЖОЛЕТ

О любви к автору из прошлого	83
Ослик	84
Негероическая история	86
Письмо Жанны д'Арк жителям Реймса	87
Фантасмагория о зеркалах	88
Исповедь арлекина	91
«Вам много-много лет...»	92
Средневековое еретическое (подражание)	93
Так диктует музыка	94
«Увы, достопочтенная Горгона...»	95

ДВОРАМИ

Неизвестные	97
«А ты веришь в то, что она жива...»	98
Секрет	99
«Я хочу бродить на краю океана-города...»	100
«Карл не крал у Клары кораллы...»	102
Прометей	103
Друзьям	104
«Какие тут “ежели”, “полно”, “коли”...»	105
Pourquoi pas	106
«Мы с Наташкой ходили по улицам солнца...»	108
«Мне нравится читать о древних льдинах...»	110
Если	112
В кинотеатре	113

САД

«Диана у реки...»	115
«В слове “облако” есть оболочка...»	116
«Рождественский вечер сводился к простою...»	117
«Я как портной. Я шью свой облик...»	118
«Мне говорили: ты можешь подняться выше...»	120
«Прав?...»	121
«муза теперь пантеистка...»	122
«Я вижу Его не так, как они рисуют...»	124
«Упрёк за эту непосредственность...»	124
Пусть это будет сад	125
По Сибирскому тракту	126

Литературно-художественное издание

Маргарита Геннадьевна Чекунова

Беглянка из времени «У»

Книга печатается в авторской редакции

Технический редактор Анджела Левкина

Художник Елизавета Савина

Дизайн обложки Евгений Пучков

Верстка Леонид Харитонов

Подписано в печать 09.12.2021. Формат 76 × 100 1/32.

Усл. печ. л. 5,8. Тираж 400 экз. Печать офсетная.

Заказ № 285Р

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.

Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru

ВКонтакте: https://vk.com/renome_spb

www.renomespb.ru

Маргарита Чекунова — молодой, обретающий популярность поэт, известный на просторах Западной Сибири и в Петербурге. Родилась в середине 90-х в Петропавловске Северо-Казахстанской области, выросла в Ялуторовске, в городе с декабристскими идеалами. Долгое время жила в Тюмени. Обладатель поэтической премии «Молодой Петербург» (2014). Вошла в лонг-лист литературной премии «Лицей» (2021). Лауреат конкурса «Петербургский ангел» (2021). Режиссёр исторического игрового фильма «Две тысячи вёрст до Иппокрены» (2021). Филолог, журналист, актриса.

Из строк Маргариты на меня смотрела сама Россия, как она смотрит из фильма «Москва слезам не верит»: дикая, честная, упрямая, нежная, дерзкая и молчаливая.
— **Евгения Бильченко**

В «Беглянке из времени “У”» Маргариты Чекуновой всё очень близко мне: детство, космос, Ялуторовск, ощущение себя инопланетянином, который непонятно, как и зачем здесь оказался.
— **Владимир Богомяков**

Маргарита Чекунова — поэт, не врущий ни себе, ни другим, ловящий сигналы с горних вершин. Её перевод с языков ангельских на человеческий предельно точен и выполнен с вдохновением истинно любящего существа, для которого нет мелочей, а всё важно.
— **Светлана Чураева**

Поэзия Маргариты Чекуновой — редкое сочетание традиции и авангарда, классической грации Рамо и пульсирующей атональности Шёнберга.
— **Даниил Сизов**

ISBN 978-5-00125-478-2

9 785001 254782